Москва — это город, находящийся в непрерывном движении. Наша столица постоянно меняется. Строятся новые здания, улицы и районы, старые постройки часто идут под снос, уступая место новым. Так было с незапамятных времен, так наш город живет и сейчас. В непростые для Москвы времена первой половины двадцатого века многие известные архитектурные сооружения в процессе активной перестройки города были разрушены, оказались утрачены ценнейшие исторические памятники, самым известным из которых можно, пожалуй, назвать ныне восстановленный Храм Христа Спасителя. С трагическими для Храма событиями тридцатых годов связана история, показывающая, сколько тайн хранит Москва и в наши дни. Многое еще предстоит открыть исследователям, ученым и просто неравнодушным людям, для которых история Москвы не просто слова, а важная часть нашего наследия, способная дать нам представление о том, как и чем жил наш город в далекие времена, донести до нас сквозь толщу веков частичку далекого прошлого.

Недавно мне попался на глаза старый выпуск журнала «Наука и жизнь» за 1989 год. Статья А.Ф.Иванова о событиях, произошедших сразу после разрушения Храма Христа Спасителя, произвела на меня глубочайшее впечатление. Некоторые выдержки из этой статьи я и хочу предложить вниманию наших читателей.

Квартал, который занимал храм Христа Спасителя, ограниченный улицами Волхонкой (бывшей Чертольской), Ленивкой, Кропоткинской набережной и Соймоновским проездом, в старину называли урочищем Чертолье, или правильнее Черторье, по названию протекавшего поблизости ручья Черторыя, начинавшегося у

Страстного монастыря и стекавшего по Пречистенскому (ныне Гоголевскому бульвару) к Москве-реке. Этот ручей в дождь проявлял свой буйный нрав, стремительно размывая овраги, по которым бежал, образуя промоины и ямы. “Словно черт рыл”,— говорили москвитяне, прозвав ручей Черторыем. При Иване Грозном в Чертолье жили опричники в собственной слободе с рынком и кладбищем. Опричнина занимала территорию от Кропоткинской набережной до левой стороны Большой Никитской улицы.

В начале 1930-х годов, при разборке церкви Похвала Богородице на Кропоткинской набережной (близ дома № 45/1) неподалеку от бывшего подворья Малюты Скуратова обнаружили глубоко под землей каменный склеп якобы самого хозяина подворья. По преданиям, от подворья Скуратова тайные подземные ходы вели к Кремлю и к Ваганьковскому холму, где некогда находился двор Ивана Грозного, а ныне возвышается дом Пашкова. Кроме того, от Скуратовского подворья можно было пройти под землей в район устья Неглинки перед Боровицкими воротами.

Время не пощадило эти подземные ходы, они во многих местах обрушились, след их затерялся. И все же есть все основания предполагать, что некоторые участки этих ходов сохранились до наших дней. Известно, например, что подземный путь из Кремля к Москве-реке существовал до XIX века, когда его в сентябре 1812 года при пожаре Москвы использовал Наполеон с офицерами и гвардией, чтобы выбраться из Кремля и бежать в Петровский дворец. Кто знает, может быть, в подземных ходах бывшего Чертолья, между некогда существовавшим подворьем Малюты Скуратова и

Кремлем, захоронена либерея — библиотека Ивана Грозного.

...Однажды, исследуя чертежи храма Христа Спасителя, на одном из них я обнаружил любопытную деталь. Конкретно восточная часть храма имела в плане на чертеже дверной проем, обозначенный пунктиром. А на листе, где был изображен разрез стены, дверной проем отсутствовал.

Как-то я, выполняя очередное срочное задание, задержался на работе. Закончив дело поздним вечером, не пошел домой, а направился через служебную калитку на территорию бывшего храма.

Подойдя к восточной цокольной стене, с которой уже была снята гранитная облицовка, я внимательно осмотрел ноздреватый известняк, но не обнаружил каких бы то ни было признаков "чертежной" двери, Мысленно представляя себе, где следует искать эту дверь, я стал простукивать известняковые камни цоколя металлическим закладным стержнем, найденным в остатках здания. Приглушенный звук свидетельствовал о сплошной каменной кладке. Но в каком-то месте этот звук изменился — стал отличаться от того, что слышался ранее. Несколько сильных ударов по стене подтвердили предположение: в толще цоколя — пустота, может быть, тот самый потайной вход.

Посвящаю в тайну "пунктирного" входа молодого инженера Бориса Коноплева, советуюсь о предстоящих действиях, предлагаю принять в них участие.

После удаления нескольких камней в образовавшейся бреши обнаружился кусок железной поверхности. Вскоре обнаружилась невысокая железная дверь, запертая на внутренний замок. Борис вставил в замочную скважину прихваченную на случай отмычку и стал вращать ее по ходу часовой стрелки. Железная щеколда, поддаваясь со скрежетом, туго сдвинулась с места. Медленно, с пронзительным скрипом заржавевших петель распахнулась тяжелая дверь, открыв мрачное, казавшееся бездонным подземелье, повеявшее холодом, затхлостью и тленом.

Борис осветил вход карманным фонариком, и мы увидели уходящие вниз каменные ступени крутой лестницы. Плотно закрыв за собой дверь на засов и проверяя прочность ступеней, мы осторожно стали спускаться, Борис шел впереди, подсвечивая путь фонариком, я с ломиком в руках — следом за ним.

Вокруг царила мертвая тишина, лишь наши шаги нарушали безмолвие подземелья. Мы двигались вперед, напряженно всматриваясь в мрачную тьму тоннеля. Вдруг впереди появилась стена, перегораживающая тоннель. По мере приближения к ней обнаружились тоннели, ведущие в стороны. Левый, по моим соображениям, направлялся в сторону Кремля, правый — в направлении Соймоновского проезда. Не советуясь, свернули в левый, явно древний тоннель шириной не более 70 сантиметров, облицованный потемневшим от времени известняком, с глубокими черными расщелинами в своде.

Вскоре стал ощущаться недостаток кислороде, дышать становилось все труднее.

Неожиданно Борис замер как вкопанный, я же буквально налетел на него, Бориса внезапно остановила горизонтальная ниша в тоннельной стене справа. В глубине ниши виднелись какие-то предметы темно-желтого цвета. Рассмотрев их внимательнее, мы поняли, что это человеческие кости с остатками ржавых цепей. Тут же покоились два черепа с черными провалами глубоких глазниц. Переведя свет фонарика на противоположную стену, мы обнаружили в высокой вертикальной нише стоящий во весь рост огромный скелет с длинными распростертыми костями рук, словно распятыми на кресте. Кости держались на ржавых цепях, прикрепленных к стенке ниши. Желтый череп, закрепленный в железном кольце, вделанном в стену, склонился вниз.

В оцепенении смотрели мы на останки неведомых узников, брошенных в подземелье по чьей-то злой воле, может быть, самого Малюты Скуратова. В этот момент в руке Бориса заколебался свет фонарика. Зашевелились тени, создавая впечатление, что череп качается, словно укоряя нас в том, что нарушен его вечный покой. В ту же секунду фонарик погас. Со всех сторон надвинулась страшная тьма. Борис инстинктивно прижался ко мне. Те секунды, которые потребовались, чтобы достать из кармана другой фонарик, показались долгими минутами, хотя мы были, как говорится, не из робкого десятка. Но вот луч фонарика вновь осветил подземелье. Неожиданно над нами послышался глухой нарастающий гул, напоминающий шум морского прибоя. Он отвлек внимание от ужасного зрелища. Осветив свод тоннеля, мы увидели, как сквозь глубокие щели меж

известняковыми камнями струится песок. В следующее мгновение показалось, что от нарастающего грохота ветхий свод вот-вот рухнет и похоронит нас навсегда в подземелье. Однако свод остался цел и невредим, а шум наверху стал стихать. Мы поняли, что находимся под улицей Ленивкой, по которой ходит трамвай.

Через несколько шагов в правой стороне тоннеля обнаружили прямоугольное углубление, напоминавшее дверной проем. Поравнявшись с ним, мы увидели железную дверь, покрытую, словно лишаями, ржавыми пятнами. Борис, как и первый раз, просунул в замочную скважину отмычку, попробовал ее вращать, но отмычка уперлась во что-то за дверью, замок не открывался, дверь оставалась запертой. Решили взяться за ломик. Но прежде внимательно осмотрели дверь и обнаружили, что свод над ней, сложенный из больших камней, всей своей тяжестью придавил притолоку. Применение силы в данном случае неминуемо привело бы к обвалу свода и всей толщи земли над ним, похоронив нас навсегда в недрах древнего Чертолья.

Мы стояли перед недоступной дверью и не знали, что предпринять. И тут у меня снова погас фонарик. Мы опять оказались в жуткой темноте. К счастью, у предусмотрительного Бориса оказались спички (хотя оба не курили). То и дело чиркая о коробок спичками, кое-как освещая путь, мы побежали к выходу, словно за нами гнались погребенные в тоннеле мученики.

На самом деле, приведенные выше строки — отрывок из книги А. Ф. Иванова “Тайна древнего Чертолья”, которая рассказывает о реконструкции Москвы в 30-е годы и в том числе о разрушении храма Христа Спасителя.

Печать обходила подробности злополучной судьбы этого сооружения, возникавшие вымыслы превращались в непреложные истины и преподносились несведущими людьми как достоверные факты. Автор книги А. Ф. Иванов— непосредственный свидетель трагедии храма, оставившей в его памяти глубокий след.

Приведенный отрывок — лишь очень небольшая часть тех захватывающих историй, которые можно прочесть в книге. Рекомендую всем нашим читателям, интересующимся историей Москвы, посетить библиотеку, чтобы познакомиться с книгой целиком и, может быть, закончив школу, отправиться на поиски затерянных реликвий древности.

А. Нарциссов